

ОЧЕРК ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ЗАНЯТОСТИ ДЖ. М. КЕЙНСА

Л. САМУЭЛИ

Кафедра политической экономии Будапештского политехнического института

(Представлено зав. кафедрой доцентом д-ром И. Девичем).

(Поступило 31 января 1961 г.)

1. Проблема безработицы

Свойственная капитализму тенденция к постоянному увеличению размеров относительного перенаселения в условиях общего кризиса капитализма приобретает новые черты: резервные армии труда достигают громадных размеров и превращаются в постоянные многомиллионные армии безработных. Хроническая безработица сохраняется даже в периоды наиболее высокой конъюнктуры. Эта хроническая массовая безработица является очевидным доказательством тупика, в который зашла капиталистическая система, доказательством тех оков, которые накладывает эта система на развитие производительных сил общества. Безработица при капитализме, особенно в условиях общего кризиса капитализма, будучи страшным бичем для трудящихся, становится вместе с тем социальной опасностью для господствующих классов.¹

Поэтому проблема безработицы, или, как выражается Кейнс, проблема занятости является основной исходной проблемой в теории Кейнса, разрешению которой и посвящена последняя. «Наша цель... состоит в том, — пишет Кейнс, — чтобы выяснить, чем определяется в каждый данный момент национальный доход данной хозяйственной системы и (что почти то же самое) величина занятости в ней... Нашей конечной целью может быть отбор таких переменных величин, которые поддаются сознательному контролю или управлению со стороны центральных властей в рамках той хозяйственной системы, в которой мы живем» (т. е. в рамках капитализма — Л. С.).²

Теория занятости Кейнса строится на теории «классической» школы Джевонса—Маршалла—Пигу, два основных «постулата» которой Кейнс формулирует следующим образом: 1) «Заработная плата равна предельному продукту труда»; 2) «Полезность заработной платы при данном количестве

¹ «При массовой безработице расцветает демагогия, — пишет кейнсианец Л. Клейн. — Психология безработного рабочего такова, что он охотно слушает многие опасные доводы, если они обещают работу. Найдется немного социальных условий, которые действуют более гнетуще, чем вынужденная праздность и вынужденное воздержание от потребления» (LAWRENCE R. KLEIN, *The Keynesian Revolution*, New York 1948, p. 166.)

² J. M. KEYNES, *The General Theory of Employment, Interest and Money*, Macmillan, London 1936, p. 247.

занятых рабочих равна предельной тягости труда при этой величине занятости»³. Первый постулат Кейнс принимает, а второй отвергает.

Смысл первого постулата заключается в том, что заработная плата занятого рабочего равна продукту труда предельного рабочего, т. е. той стоимости, «которая была бы потеряна, если бы занятость была сокращена на одну единицу».⁴ Исходя из теории «предельной производительности» труда, по которой каждое дополнительное приращение труда, увеличение числа занятых, при условии неизменных масштабов применяемого в производстве капитала, дает более низкую производительность труда, чем предыдущее приращение, заработная плата определяется наименьшей производительностью труда, получаемой при данном числе рабочих и данной величине капитала. Таким образом, рост числа занятых влечет за собой соответствующее сокращение заработной платы.

Определение заработной платы рабочих производительностью их труда — не новинка в арсенале вульгарной апологетики. Еще Сэй исходил из того, что заработная плата равняется продукту труда рабочего. Такая постановка вопроса призвана скрыть факт капиталистической эксплуатации рабочего класса, доказывая, что рабочий получает продукт своего труда полностью, и следовательно в интересах рабочих стоит не борьба с капиталистами-предпринимателями за повышение заработной платы, а увеличение производительности своего труда. Интересы капиталиста и рабочего, таким образом, не противоположны друг другу, а наоборот, находятся в полнейшей гармонии. Таков апологетический смысл этой теории, рассчитанной на прямой обман рабочего класса.

Теория «предельной производительности» труда опирается на вымышленный закон убывающей производительности труда каждого нового рабочего в силу нарушения оптимальных пропорций между отдельными факторами производства. Эта теория игнорирует рост технической оснащенности предприятий, совершенствование техники и технологии производства, более рациональное размещение и использование рабочей силы, наконец, рост интенсификации труда и эксплуатации рабочих, которые присущи в действительности процессу капиталистического производства. Эта беспочвенная абстракция допускает и такое предположение, будто найдется капиталист, который будет увеличивать число занятых рабочих при неизменном качественном и количественном состоянии техники, технологии, организации производства и пр., т. е. создавать на предприятии излишек рабочей силы, увеличивать издержки производства. Такое положение целиком и полностью абсурдно для капиталистического способа производства, для которого характерно, на самом деле, рост органического строения капитала, относительное, а временами и абсолютное сокращение числа занятых.

³ J. M. KEYNES, *General Theory*, p. 5.

⁴ *Ibidem*, p. 5.

Надуманый характер этой предпосылки особенно проявляется при сопоставлении ее с реальными условиями, которые создал общий кризис капитализма с его хронической недогрузкой промышленных предприятий, перепроизводством производственных мощностей и значительными запасами нереализованной промышленной и сельскохозяйственной продукции. Теория «убывающей производительности труда» фактически повторяет пресловутый мальтузианский закон «убывающего плодородия» земли, который, как писал В. И. Ленин, «представляет из себя бессодержательную абстракцию, которая оставляет в стороне самое главное: уровень техники, состояние производительных сил»⁵.

Для чего же понадобилось буржуазной политической экономии оживить в несколько видоизмененной форме эти обветшалые и давным-давно опровергнутые теории? Прежде всего они понадобились для апологии капиталистической эксплуатации, для вуалирования истинного источника и характера прибавочной стоимости и заработной платы, для борьбы с экономической теорией марксизма. Но одновременно с этим они оказались необходимыми для теоретического обоснования наступления на жизненный уровень рабочего класса под флагом борьбы с безработицей. Ведь, если увеличение числа занятых возможно только при снижении средней заработной платы, то причина массовой безработицы в конечном итоге будет лежать в высоком уровне заработной платы; следовательно, безработица может быть ликвидирована или сокращена только при снижении заработной платы — таков сокровенный смысл первого «постулата» кембриджской школы, с которым Кейнс полностью согласен и солидарен.⁶

Второй «постулат» кембриджской школы, который Кейнс формулирует, как упоминалось выше, следующим образом: «полезность заработной платы при данном количестве занятых рабочих равна предельной тягости труда при этой величине занятости» — имеет следующий смысл: нормальная, «естественная» заработная плата, складывающаяся соответственно фактическому соотношению спроса и предложения на рынке труда, всегда уравновешивает желание, точнее, «нежелание» рабочих работать, то, что буржуазная политическая экономия называет «тягостью труда» (*disutility of labour*). «Тягость здесь следует понимать в том смысле, — объясняет Кейнс, — что она включает всякое основание, могущее побудить отдельного человека или

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 93.

⁶ «...как правило, — пишет Кейнс, — увеличение занятости может наступить только вместе с уменьшением ставок реальной заработной платы. Таким образом, я не оспариваю этого важного факта, который экономисты-классики совершенно правильно считали непреложным. При данном состоянии организации, средств производства и техники реальная заработная плата на единицу труда находится в совершенно определенной (обратной) корреляции с объемом занятости. Таким образом, если занятость возрастет, тогда в применении к коротким периодам вознаграждение за единицу труда, выраженное в товарах рабочего потребления, должно, вообще говоря, снизиться, а прибыль увеличиться» (J. M. Keynes, *Op. cit.*, p. 17.)

группу людей скорее вовсе не работать, чем согласиться на заработную плату, полезность которой для них ниже известного минимума.»⁷

Таким образом, если существует безработица, то эта безработица «добровольная», так как она является результатом нежелания рабочих работать за установленную заработную плату, т. е. рабочие сами обрекают себя на нищету. Эта теория «добровольной безработицы» проф. А. С. Пигу была выдвинута в период общего кризиса капитализма для объяснения причин массовой безработицы, так как прежняя теория так называемой «фрикционной безработицы», вообще отрицавшая возможность общей безработицы и признававшая лишь временную, частичную, спорадическую безработицу, связанную с переходом рабочих с одного предприятия на другое, из одной отрасли в другую, — эта теория вообще ничего не могла объяснить даже вульгарным экономистам.

Пигу исходит из учения Джевонса—Маршалла о т. н. тягостности труда, по которому рабочий, оценивая свой труд с точки зрения своих субъективных переживаний, согласен продавать свой «труд» лишь до тех пор, пока предельная полезность продуктов, покупаемых на заработную плату, будет, по крайней мере, не ниже предельной тягостности труда. Отсюда делается вывод, что если рабочий не имеет работы, значит, причина этого в том, что он слишком высоко оценивает тягость своего труда и поэтому предпочитает вовсе не работать. Следовательно, безработица — это продукт лени рабочих, их наклонности к праздности.

Эта беззастенчивая апологетическая «теория» направлена прежде всего против трудового законодательства, коллективных договоров и вообще против деятельности профсоюзов, обвиняя последних в том, что они якобы создают безработицу (!), требуя повышения заработной платы.

Теория «добровольной безработицы» извращает факты капиталистической действительности, замалчивая то, что рабочие *вынуждены продавать* свою рабочую силу при капитализме независимо от того, нравится им это или нет. Ссылка на «склонность рабочих к ничегонеделанию» игнорирует действительное экономическое положение трудящихся и фактически оправдывает дальнейшее снижение заработной платы.

Такая явная апологетика, естественно, не могла вызвать какой-либо симпатии среди трудящихся и в первую очередь среди рабочего класса, кроме того, проповедь прямого снижения заработной платы как средства ликвидации безработицы отнюдь не решала эту проблему. Поэтому теория «добровольной безработицы» в условиях обостряющихся экономических кризисов не могла быть приемлемой и для буржуазии.

Поэтому критика Кейнса направлена против второго «постулата». Кейнс не отказывается от «фрикционной» и «добровольной» безработицы, но

⁷ J. M. KEYNES, Op. cit., p. 6.

решительно утверждает, что существует и вынужденная безработица. Это весьма знаменательный шаг, так как в лице Кейнса официальная буржуазная экономическая теория впервые признала столь очевидный факт, что существует безработица, которая совсем не зависит от «предельной тягости», от «жертв» труда и им подобных порождений вульгарной апологетики.

Возражения Кейнса против второго постулата таковы:

1) «Полезность» денежной заработной платы, выражающаяся в количестве предметов потребления рабочих, не является точным показателем «предельной тягости» труда. Почему? Во-первых, потому что реальная заработная плата может снижаться вследствие роста цен на предметы потребления, а предложение рабочей силы на рынке труда совсем не сокращается. Это объясняется взаимно противоположным направлением движения реальной и номинальной заработной платы.⁸ Выдвигаемая Кейнсом тенденция противоположного движения реальной и номинальной заработной платы является ни чем иным, как абсолютизацией случая инфляции, когда рост цен действительно обгоняет рост номинальной заработной платы, вследствие чего реальная заработная плата падает. Однако в целом абсолютизация такого рода вряд ли соответствует фактам действительности, и позднее последователи Кейнса вынуждены были признать, что их учитель в этом отношении ошибался.⁹

Во-вторых, всегда имеется вполне достаточно безработных, желающих получить работу и при данной заработной плате. Кейнс ссылается на факт массовой безработицы в США в 1932 г., говоря, что маловероятно, чтобы эта безработица была «порождена не то упрямым отказом рабочих согласиться на понижение денежной заработной платы, не то их упрямыми требованиями реальной заработной платы выше того, что могла обеспечить производительность хозяйственной системы».¹⁰

2) Основным возражением Кейнса против второго «постулата» является то, что общий уровень заработной платы не зависит от исхода торга рабочих с предпринимателями, а следовательно не может уравновешивать и «предельную тягость» труда. Причина этого кроется в том, что вследствие противоположного движения номинальной и реальной заработной платы у рабочих

⁸ По этому поводу Кейнс пишет: «... в случае изменения общего уровня заработной платы будет установлено, как я думаю, что изменения реальной заработной платы, сочетаясь с изменениями денежной заработной платы, обычно отнюдь не происходят в том же направлении, а почти всегда в противоположном. Иными словами, будет установлено, что когда растет денежная заработная плата, реальная заработная плата падает, а когда падает денежная заработная плата, растет реальная заработная плата». (Op. cit., p. 10.)

⁹ Так, например, Л. Клейн ссылается в своей книге на статистические исследования Дж. Т. Данлопа и Л. Таршеса, которые на основе анализа данных по Англии и США пришли к выводу, что между изменением денежной и реальной заработной платы в этих странах наблюдается тесная положительная корреляционная связь. «Хотя эти статистические исследования не являются «строгими доказательствами», все же, кажется, Кейнс ошибался в своих расчетах (backed the wrong horse). (L. KLEIN, *The Keynesian Revolution*, pp. 106—107.)

¹⁰ J. M. KEYNES, Op. cit., p. 9.

не существует никакого способа точного определения уровня реальной заработной платы, поэтому рабочие требуют лишь определенный минимум денежной заработной платы. «Рабочие обычно противятся сокращению денежной заработной платы, — пишет Кейнс, — но они не прекращают работы всякий раз, как поднимаются цены товаров рабочего потребления».¹¹ Следовательно, если прямое снижение номинальной заработной платы встречает энергичный отпор рабочих, то снижение реальной заработной платы окольным путем вследствие еще недостаточной организованности рабочих такого сопротивления может и не вызвать: «Всякий профессиональный союз, — пишет Кейнс, — окажет сопротивление урезке денежной заработной платы, какой бы небольшой она ни была. Но, поскольку ни один профессиональный союз не помышляет о стачке при всяком повышении стоимости жизни, профессиональные союзы не создают препятствий всякому увеличению совокупной занятости, как это утверждает классическая школа».¹²

Таким образом, расхождения Кейнса с теорией кембриджской школы, проповедовавшей прямое снижение заработной платы, не носят принципиального характера. Во-первых, Кейнс стоит на общих теоретических и методологических позициях со сторонниками снижения заработной платы. Признавая первый «постулат» о равенстве заработной платы предельному продукту труда, Кейнс тем самым фактически признал, как мы это видели выше, наличие косвенной связи между расширением занятости и падением заработной платы. Во-вторых, рассуждения Кейнса о различии в движении реальной и номинальной заработной платы га деле являются теоретическим обоснованием лишь более изощренных методов наступления га жизненный уровень рабочего класса путем снижения покупательной способности денег, создания инфляционной экономики.

Поэтому в высшей степени являются странными попытки современных кейнсианцев¹³ и правых социал-демократов представить Кейнса как борца за интересы рабочего класса, противника снижения заработной платы и т.п. Кейнс осознал тот факт, что урезка заработной платы влечет за собой сокращение платежеспособного спроса и поэтому не всегда применима как средство для борьбы с безработицей. Однако Кейнс никогда не считал теории кембриджской школы несостоятельными с принципиальной стороны, никогда не отвергал полностью проповедь снижения заработной платы как благотворной и желательной экономической политики. Этого отнюдь не скрывает и буржу-

¹¹ J. M. KEYNES. Op. cit., p. 9.

¹² Ibidem, p. 15.

¹³ «Чтобы ни говорили рабочие лидеры и левые экономисты о буржуазной окраске (emphasis) Кейнса, они должны понять, что он упорно боролся против тех теорий, которые в депрессии упрекали трудящихся (labor)». (L. KLEIN, The Keynesian Revolution. p. 46.) «Снижение заработной платы ныне неприемлемо как подход к решению проблемы занятости даже среди лидеров бизнеса. Кейнс, более чем кто-либо другой, ответственен за эту революционную перемену в экономическом мышлении». (SEYMOUR E. HARRIS, J. M. Keynes. Economist and Policy Maker, New York 1955, p. 130.)

азный историк экономической мысли Эмиль Жамс, который пишет следующее: «Кейнс был также противником стабильной реальной заработной платы, рассчитанной на длительный период времени. Его беспокоила отнюдь не несправедливость в распределении доходов, а неполная занятость; точнее несправедливое распределение беспокоило его лишь в пределах сохранения полной занятости... Кейнс считал, что рабочие и служащие, соглашаясь на понижение реальной заработной платы, тем самым платят за сохранение полной занятости».¹⁴

Не выступая в принципе против теории кембриджской школы, Кейнс лишь ограничивает сферу ее применения, считая, что она действительна только в случае, когда «равенство реальной заработной платы предельной тяжести труда при данном объеме занятости, которое предполагается вторым постулатом классической школы, соответствует, при реалистическом истолковании, отсутствию «вынужденной» безработицы. Такое состояние мы будем называть «полной» занятостью. «Фрикционная» и «добровольная» безработица совместимы (!) с «полной» занятостью, определяемой таким образом»¹⁵ (Следовательно, у Кейнса и при «полной» занятости будет ... безработица!). Итак, ключевой проблемой является достижение «полной занятости», т. е. ликвидация вынужденной безработицы.

Решение проблемы занятости Кейнс видит в преодолении недостаточности общественного спроса. В этом состоит сущность новой для вульгарной экономики трактовки проблемы занятости. В буржуазной политической экономике свыше 100 лет господствовал так называемый «закон» Сэя, отрицавший возможность общего кризиса перепроизводства, так как предложение товаров якобы одновременно рождает и спрос на них. Это вульгарное положение, отождествлявшее простой продуктообмен с товарным обращением, не видевшее специфики обращения товаров как единства и внутренней противоположности двух последовательных актов купли-продажи, которое уже при простом товарном производстве содержит формальную возможность кризисов, — в свое время было полностью разгромлено Марксом. «Трудно представить себе что-либо более плоское, — писал Маркс, — чем догмат, будто товарное обращение обязательно создает равновесие между покупками и продажами, так как каждая продажа есть в то же время купля, и *vice versa* (наоборот). Если этим хотят сказать, что число действительно совершившихся продаж равно числу покупок, то это — бессодержательная тавтология. Однако догмат этот имеет в виду нечто большее: им хотят доказать, будто продавец приводит за собой на рынок своего покупателя».¹⁶ «Закон» Сэя, провозглашая неограниченные возможности для развития капитализма, затушевывал противоречия последнего, в первую очередь, противоречие между производством и

¹⁴ EMILE JAMES, *Histoire de la pensée économique au XXe siècle*, Paris 1955, p. 342.

¹⁵ J. M. KEYNES, *Op. cit.*, pp. 15—16.

¹⁶ К. Маркс, «Капитал», т. I. Москва, Госполитиздат, 1953 г. стр. 119—120.

потреблением. Абсурдность «закон» Сэя признавали многие мелкобуржуазные критики капитализма — Сисмонди, Гобсон и др., — но вплоть до Кейнса буржуазная академическая наука, теснимая общим кризисом капитализма и мировым экономическим кризисом 1929—33 гг., не порвала с этим «законом».

Кейнс, в отличие от своих предшественников — Сэя, Милля, Маршалла и др., считал, что при современном капитализме предложение не соответствует спросу вследствие недостаточности общественного потребления, которое не компенсируется должным объемом инвестиций. Поэтому решение проблемы безработицы зависит от обеспечения «эффективного спроса».

2. Теория «эффективного спроса»

Кейнс, отказавшись от старого догмата буржуазной политической экономии, провозглашавшего полное соответствие общественного спроса и предложения, разработал свою теорию обеспечения «эффективного спроса», т. е. совокупного спроса, соответствующего совокупному предложению общества.

а) Проблема сбережений и инвестиций

Рассматривая составные части совокупного спроса, Кейнс пришел к выводу, что при современном капитализме недостаток личного потребления не компенсируется соответствующим объемом инвестиций, так как склонность общества к потреблению и побуждения к инвестированию определяются факторами различного порядка.

Сначала Кейнс останавливается на анализе факторов, определяющих расходы на потребление. Верный своему субъективному методу анализа, Кейнс исходит из мотивов индивидов, когда они определяют размер своего потребления. Это заведомо ложный путь анализа, так как потребление отдельных индивидов в обществе определяется не их субъективными мотивами и склонностями, точнее, сами мотивы определяются тем местом, которое данный индивид занимает в системе общественного производства и распределения. Такой метод исследования, который за первичное берет превратные представления агентов капиталистического производства, не может привести ни к чему иному, как к совершенно ложным выводам и солидной доле утопизма.

Один из главных факторов «эффективного спроса» — «склонность к потреблению» — Кейнс определяет как функциональную зависимость между определенным объемом дохода (Y) и суммой расходов на потребление (C). Склонность к потреблению зависит от различных «мотивов к расходованию», однако, проанализировав действие различных индивидуальных мотивов, Кейнс вынужден был констатировать тот очевидный экономический факт,

что объем потребления зависит не от побуждений и соображений индивидов, а от изменения объема дохода общества.¹⁷ Эта зависимость определяется знаменитым «основным психологическим законом» Кейнса:

«Основной психологический закон, на который мы можем положиться не только *a priori*, исходя из нашего знания человеческой природы, но и на основании детального изучения опыта, состоит в том, что люди склонны, как правило, увеличивать свое потребление с ростом дохода, но не в той же мере, в какой растет доход».¹⁸ Следовательно, предельная склонность к потреблению: $\frac{\Delta C}{\Delta Y} < 1$.

Поскольку Кейнс отвлекается от объективных условий производства и распределения, ему не остается ничего иного, как выводить условия потребления общества из человеческой природы. Тем самым Кейнс замалчивает классовую природу потребления в буржуазном обществе, где потребление рабочих подчиняется закону стоимости рабочей силы, а потребление капиталистов определяется размерами прибавочной стоимости, которые позволяют им утопать в роскоши, отнюдь не препятствуя при этом процессу накопления капитала. Кейнс отождествляет психологию рабочего и капиталиста, декларируя свой психологический закон, общий всем людям и всем обществам.

Своим «психологическим законом» Кейнс пытается дать объяснение присущему капиталистическому способу производства противоречию между тенденцией к безграничному росту производства и ограниченным ростом общественного потребления. В сознании буржуазного экономиста это противоречие преломляется в виде констатации того факта, что, «чем крупнее наши доходы, тем больше, к несчастью, разница между нашими доходами и нашим потреблением».¹⁹ Своей трактовкой противоречия между безграничным ростом производства и ограниченным платежеспособным спросом в капиталистическом обществе Кейнс пытается свести его к «вечным», «естественным» экономическим тенденциям. Оказывается, по Кейнсу, нищета и безработица народных масс объясняется «богатством» общества вообще, а не кучки капиталистов-монополистов, отставание роста платежеспособного спроса объясняется абсолютным насыщением общества, а не жалкими жизненными условиями трудящихся при капитализме.

Разрешение этого противоречия Кейнс видит в увеличении инвестиций, которые должны компенсировать недостаточный в силу «психологического закона» рост потребительского спроса для поддержания необходимого объема

¹⁷ «Хотя прочие факторы могут изменяться ..., — пишет Кейнс, — совокупный доход, выраженный в единицах заработной платы, является, как правило, главной переменной величиной, от которой будет зависеть относящаяся к потреблению слагаемая функции совокупного спроса». (Op. cit., p. 96).

¹⁸ J. M. KEYNES, Op. cit., p. 96.

¹⁹ J. M. KEYNES, Op. cit., p. 105.

занятости.²⁰ Центральная проблема в теории Кейнса — это проблема сбережений и инвестиций, от равновесия которых зависит установление «полной занятости» (т. е. нормальный ход процесса капиталистического воспроизводства). Основная трудность, по мнению кейнсианцев, заключается в переводе сбережений в инвестиции. Таким образом, в противоречии сбережений и инвестиций видит теория Кейнса непосредственную причину экономических трудностей капитализма, кризисов и безработицы.

Насколько верно отражают кейнсианские категории сбережений и инвестиций реальную картину процесса капиталистического производства?

Под сбережениями кейнсианцы подразумевают сбережения вообще, неистраченный доход широкой публики, т. е. капиталистов и трудящихся. Но «сбережения» капиталистов и трудящихся имеют совершенно различное происхождение и играют совершенно различную роль в процессе капиталистического воспроизводства. Известно, что капиталист часть присваиваемой прибавочной стоимости потребляет лично, другую же часть ее применяет как капитал, т. е. накапливает. Маркс писал, что «это деление производит именно владелец прибавочной стоимости, капиталист. Оно, стало быть, является актом его воли. Относительно той части собранной им дани, которую он накапливает, говорят, что он сберегает ее, так как он ее не проедает, т. е. так как он выполняет здесь свою функцию капиталиста, функцию самообогащения».²¹

Таким образом, «сбережения» капиталиста являются существенным и необходимым моментом в процессе расширенного капиталистического воспроизводства. «Излишними», «вредными» сбережения капиталиста становятся тогда, когда они не могут найти себе производительного применения как капитал. Еще Маркс отмечал явления перенакопления капитала, т. е. появление капиталов, не находящих себе применения, наряду с перенаселением как проявление внутренних противоречий капиталистического способа производства. Перенакопление капитала особенно резко проявляется в моменты экономических кризисов перепроизводства и последующей депрессии, когда происходит частичная приостановка процесса кругооборота капиталов на всех его трех стадиях, приводящая к накоплению запасов нереализованной товарной продукции, увеличению предложения свободных денежных капиталов, росту незагруженных производственных мощностей. Эти явления особенно обостряются в период общего кризиса капитализма, становясь хроническими. Следовательно, наличие «излишних» сбережений капитали-

²⁰ «Этот простой принцип («основной психологический закон» — Л. С.) ведет к тому же заключению, к которому мы пришли и раньше, а именно, что занятость может расти только *pari passu* с увеличением инвестиций. Иное положение возможно лишь тогда, если изменяется склонность к потреблению. Поскольку расходы потребителей растут меньше, чем растет при увеличении занятости совокупная цена предложения, увеличение занятости окажется нерентабельным, если разрыв не будет заполнен увеличением инвестиций». (J. M. Keynes, *Op. cit.*, p. 98.)

²¹ Маркс, «Капитал», т. I., стр. 597.

стов являются не причиной, а лишь одним из проявлений кризисного состояния капиталистической экономики.

Теория Кейнса сваливает в одну кучу «сбережения» капиталистов и сбережения трудящихся. Известно, что заработная плата обеспечивает лишь минимум средств существования (и то не всегда) для трудящихся, поэтому возникает законный вопрос, о каких сбережениях, которые якобы являются причиной недостаточности общественного спроса, может идти речь. На этот вопрос американский автор Л. Клейн отвечает следующим образом: «В нашем современном индустриальном обществе, построенном на индивидуалистических принципах, имеются очевидные причины для создания сбережений людей. Они сберегают на черный день, когда они станут безработными, больными, инвалидами или слишком старыми, чтобы работать. Они должны попытаться обеспечить будущие расходы на создание семейного очага в течение супружеской жизни, на обучение своих детей, на покрытие расходов по материнству, расходов на похороны и т. д.»²² Такие сбережения отнюдь не могут являться «излишними» или свидетельствовать об абсолютной насыщенности покупательного спроса! Тем более они не могут повлечь к какой-либо приостановке процесса капиталистического воспроизводства, так как они по существу представляют отсроченный спрос, в целом уравнивающийся соответствующими расходами в масштабах всего общества.

Таким образом, категория сбережений в кейнсианской литературе затушевывает истинные отношения капиталистического производства, весьма приблизительно и искаженно отражая реальные факты капиталистической действительности.

Следует отметить, что современные последователи Кейнса, рассматривая «склонность к потреблению», лишь с некоторыми оговорками принимают «основной психологический закон» Кейнса, свойственный якобы всем временам и обществам. Как показали статистические и эконометрические изыскания Дж. Дьюзенберри, Ф. Модильяни, Хаавелмо, Ж. Тинбергена, С. Кузнеца и др., величина сбережений сильно колеблется в зависимости от хода экономического цикла и других факторов, т. е. в короткие периоды такой единообразной психологической склонности не наблюдается. Исследования буржуазных экономистов подтверждают также и то, что построение Кейнса, игнорирующее классовую структуру и способ распределения капиталистического общества, фактически зиждется на песке. Как пишет Э. Жамс, обобщая итоги статистических исследований: «Они (т. е. исследователи этой проблемы — Л. С.) особенно подчеркнули то, что средняя склонность к потреблению изменяется в зависимости от того, к какому социальному классу она относится и в какой стране проявляется, а также то, что она изменяется и во времени. Жители городов расходуют большую часть своего дохода, чем кре-

²² L. KLEIN, *The Keynesian Revolution*, p. 176.

стьяне; люди свободных профессий сберегают сравнительно небольшую часть дохода; получающие заработную плату — очень мало».²³ Современные буржуазные экономисты упрекают Кейнса также и в том, что он ошибочно распространил действие субъективных побуждений индивидуального потребителя на потребление всего общества, оставляя между тем без внимания существование монополий и экономическую роль капиталистического государства. «Законы, относящиеся к поведению потребителей, нельзя непосредственно применять к коллективам, — пишет Готфрид Хаберлер, — а ведь то, что общество в целом инвестирует и потребляет, определяется также политикой крупных корпораций и государственных органов, о которых нельзя сказать столь же определенно, что они подчинены действию «основного психологического закона», используемого Кейнсом в его эмпирических обобщениях».²⁴ От всего «основного психологического закона» в современной литературе осталась лишь некая средняя статистическая величина за ряд лет, имеющая весьма мало реального экономического содержания.

Исключительную роль в обеспечении «эффективного спроса» кейнсианская теория отводит инвестициям. Рассмотрим, что выражает категория инвестиций в буржуазной экономии.

Известный американский буржуазный экономист Элвин Хансен дает следующее толкование понятию инвестиций: «Под реальными инвестициями мы имеем в виду покупку капитальных благ. Последние включают в себя: (1) производственные блага (*producer's goods*), состоящие из (а) *зданий, сооружений и оборудования* промышленного, коммунального и торгового назначения и (в) *товаро-материальных запасов фирм (inventories)*, включающих в себя товары, находящиеся в процессе производства или хранящиеся для продажи; (2) жилые сооружения и (3) сооружения, предназначенные для общественного пользования, такие, как общественные здания, дороги и всякого рода работы, связанные с общественным благоустройством».²⁵ Состав инвестиций, таким образом, содержит преимущественно вещественные условия для расширения производства, т.е. средства производства. Увеличение инвестиций, которым кейнсианская теория желает восполнить разрыв между производством и потреблением, означает расширение производственного потребления, в первую очередь, путем роста производства средств производства. Таким образом, Кейнс стремится восполнить недостаток личного потребления увеличением производственного потребления, считая, что таким путем можно будет разрешить проблему «эффективного спроса».²⁶

²³ E. JAMES, *Histoire de la pensée économique au XXe siècle*, p. 350—351.

²⁴ G. HABERLER, *Prosperität und Depression*, Tübingen—Zürich, 1955, s. 220.

²⁵ ALVIN H. HANSEN, *Business Cycles and National Income*, New York, 1951, p. 18.

²⁶ Известно, что сходную теорию выдвинул еще в 1894 г. русский экономист М. И. Туган-Барановский, который вульгаризировал теорию реализации Маркса. Положения марксистской теории воспроизводства о возможности реализации общественного продукта при капитализме, о преимущественном росте производства средств производства и др.

Однако эта концепция хромает на обе ноги. Ведь, как отмечал Ленин, «... рост внутреннего рынка для капитализма до известной степени «независим» от роста личного потребления, совершаясь более насчет производительного потребления. Но было бы ошибочно понимать эту «независимость» в смысле полной оторванности производительного потребления от личного: первое может и должно расти быстрее второго (этим его «независимость» и ограничивается), но само собою разумеется, что в конечном счете производительное потребление всегда остается связанным с личным потреблением».²⁷ Форсирование производственного потребления не может преодолеть противоречия между производством и потреблением, так как в конце концов оно неминуемо столкнется с узкими границами платежеспособного потребления при капитализме, но отнюдь не с сокращением потребностей трудящихся.

б) Теория мультипликатора

Идею Кейнса об исключительном значении инвестиций для общества должно обосновать его учение о мультипликаторе. Кейнс использовал и развил мысль проф. Р. Кана, который в 1931 г. в своей работе, посвященной вопросу эффективности общественных работ, писал о так называемом вторичном эффекте, вызываемом инвестициями в объеме занятости, и предлагал конкретный метод подсчета полного эффекта инвестиций.

Кейнс выделяет два мультипликатора: *мультипликатор инвестиций* показывает, во сколько раз приращение совокупного дохода превышает объем первичной инвестиции, а *мультипликатор занятости* измеряет отношение приращения всей занятости к приращению первичной занятости в отраслях, непосредственно связанных с инвестициями. Так как Кейнс считает, что оба мультипликатора фактически равны между собой, то можно говорить об одном едином показателе мультипликации.

Суть кейнсовской теории мультипликатора заключается в том, что каждая инвестиция ведет к росту доходов капиталистов и рабочих, а также занятости не только в отраслях, непосредственно производящих капитальные блага, но действие ее распространяется также и на другие отрасли: рабочие и капиталисты вследствие роста своих доходов увеличивают свое личное

Туган-Барановский превратил в абсолютный закон, отбросив марксовый анализ противоречий капиталистического воспроизводства, которые приводят к постоянному нарушению абстрактных условий реализации при капитализме, к периодическим экономическим кризисам. Туган-Барановский утверждал: «Расширение производства, производительное потребление средств производства заменяет собой человеческое потребление, и все идет так гладко, как будто бы не хозяйство было средством удовлетворения потребностей человека, а человек был средством удовлетворения потребностей хозяйства». («Периодические промышленные кризисы». Смоленск, 1923 г., стр. 210). Таким образом, Кейнс не был оригинален, выдвигая положение об исключительной роли инвестиций, а шел по стопам Туган-Барановского, которого кейнсианцы открыто признают за одного из своих предшественников.

²⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 32—33

потребление, следовательно, растет спрос на предметы потребления. В результате этого в отраслях, производящих предметы потребления, растет занятость и доходы капиталистов и рабочих, которые в свою очередь также предъявляют на рынке добавочный спрос на продукцию других отраслей промышленности. Прирост совокупного дохода и совокупной занятости, таким образом, в несколько раз должен превысить первоначальное приращение доходов и занятости, непосредственно вызванное инвестициями.

Величина мультипликатора зависит от «предельной склонности» рабочих и капиталистов к потреблению, так как якобы в силу непреложной «психологической склонности» часть возросших доходов всегда сберегается, поэтому постепенно уменьшаются размеры добавочного спроса, предъявляемого одной отраслью промышленности другой отрасли. Вследствие последовательного сокращения добавочного спроса каждое новое приращение занятости добавочных рабочих всегда меньше предыдущего приращения. Исходя из «предельной склонности к потреблению», по мнению Кейнса, можно точно вычислить величину общего приращения занятости, находящегося в определенном кратном отношении к объему первичной занятости.²⁸ Если ΔI означает новую инвестицию, ΔY — приращение дохода и k — мультипликатор, то налицо следующая зависимость:

$$\Delta Y = k \Delta I, \quad k = \frac{\Delta Y}{\Delta I}$$

Поскольку $\Delta Y = \Delta C + \Delta I$ — т. е. прирост дохода распадается на прирост потребления (ΔC) и на новые инвестиции (ΔI), — то формулу мультипликатора можно преобразовать нижеследующим образом:

$$k = \frac{\Delta Y}{\Delta Y - \Delta C} = \frac{1}{1 - \frac{\Delta C}{\Delta Y}}$$

В данной формуле мультипликатора $\frac{\Delta C}{\Delta Y}$ выражает предельную склонность к потреблению, а $1 - \frac{\Delta C}{\Delta Y}$ есть предельная склонность к сбережению. Таким образом, мультипликатор есть величина, обратная предельной склонности

²⁸ Кейнс следующим образом обосновывал этот новый закон, должный объяснить чудодейственную силу инвестиций: «Если сбережения это как бы пилюля, а потребление — варенье, которым ее заедают, то добавка варенья должна находиться в определенной пропорции к размерам добавочной пилюли. Если только психологические склонности публики не отличаются существенно от того, какими мы их здесь предполагали, мы можем считать установленным закон, по которому увеличение занятости, непосредственно связанное с инвестицией, неизбежно должно стимулировать и отрасли промышленности, производящие для потребления, и, таким образом, повести к общему приросту занятости в определенном кратном размере к той первичной занятости, которая непосредственно связана с инвестициями». (J. M. Keynes, *Op. cit.*, pp. 117—118.)

к сбережению. Если, напр., предельная склонность к сбережению равнялась бы $\frac{1}{10}$, т. е. людьми всегда сберегалась десятая доля доходов, то мультипликатор равнялся бы 10, т. е. непосредственный эффект инвестиции удесятерился бы в результате возникновения добавочного спроса в других отраслях. Если предельная склонность к сбережению равнялась бы единице, т. е. весь прирост дохода сберегался бы, то никакого мультипликативного эффекта не было.

Основой кейнсианской теории мультипликатора является вполне очевидный факт наличия определенных связей и взаимозависимости в развитии отдельных отраслей экономики. Теория мультипликатора стремится вскрыть взаимозависимость между расширением производства и ростом общественного потребления. Законом расширенного капиталистического воспроизводства является то, что производство не только обгоняет потребление, но и предшествует ему. Расширение рынка сбыта происходит при капитализме в первую очередь за счет расширения производства и сбыта средств производства. Потребление же растет вслед за ростом производства. «Чтобы расширять производство («накоплять» в категорическом значении термина), — писал Ленин, — необходимо произвести сначала средства производства, а для этого нужно, следовательно, расширение того отдела общественной продукции, который изготовляет средства производства, нужно *отвлечение к нему рабочих, которые уже предъявляют спрос и на предметы потребления*. Следовательно, «потребление» развивается *вслед за «накоплением» или вслед за «производством»*, — как ни кажется это странным, но иначе и быть не может в капиталистическом обществе».²⁹

Идея мультипликатора инвестиций неслучайно была высказана Каном в 1931 г., т. е. в разгар мирового экономического кризиса, а затем подхвачена Кейнсом. Она является попыткой буржуазной политической экономии познать закономерности общественного воспроизводства. С 30-х годов буржуазные экономисты усиленно занимаются разработкой вопроса о «первотолчке» при выходе капиталистической экономики из депрессии и производном от него «вторичном эффекте». Действительно, одним из факторов экономического оживления в период депрессии является — наряду с постепенным рассасыванием товарных запасов, обесценением и моральным износом вещественных элементов производительного капитала и т. п. — начинающееся обновление основного капитала, увеличение объема капиталовложений в промышленность на новой, более производительной основе. Расширение производства средств производства как раз благодаря относительной «независимости» производства от потребления не сразу сказывается на рынке средств потребления, находящемся при капитализме в наиболее стесненном состоянии из-за ограниченности покупательного спроса населения. Продукция I подразделения на этом

²⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 137.

рынке не появляется, поэтому расширение его производства не требует моментального увеличения покупательной способности населения.³⁰

Кейнсианская теория нащупывает действительные связи между двумя подразделениями общественного производства, взаимную зависимость расширения производства и роста потребления, взаимосвязь отдельных отраслей экономики, однако она неспособна дать всестороннее научное толкование этих явлений. Кейнсианская теория упрощенно и односторонне трактует сложные закономерности и взаимозависимости процесса расширенного воспроизводства. Она предполагает наличие прямой и непосредственной связи между производственным и личным потреблением, т. е. между производством и потреблением. В процессе расширенного общественного воспроизводства она различает и выхватывает лишь один момент, а именно то, что накопление, расширение производства влечет за собой увеличение доходов, а следовательно, и потребления участников процесса производства. Из кейнсовской трактовки, однако, выпадает решающий момент расширенного воспроизводства — расширение постоянного капитала.³¹ Теория Кейнса тем самым ставит знак равенства между ростом производственного и личного потребления, закрывая глаза на противоречие производства и потребления при капитализме.

Учение Кейнса о мультипликаторе исходит из «догмы Смита», игнорировавшей постоянный капитал и раскладывавшей совокупный продукт общества целиком на доходы. Кейнс тоже считал, что спрос, создаваемый инвестицией, в конечном итоге распадается на доходы рабочих и капиталистов, потребляемые затем ими в соответствии с их «психологической склонностью». Кейнс оставляет без внимания тот факт, что все большая доля инвестируемого капитала направляется на покупку машин, станков, сырья и т. п., то-есть носителей уже овеществленного прошлого труда, отнюдь не создавая этим спроса на рабочую силу. Законом капиталистического способа производства является рост органического строения капитала, который с прогрессом техники постоянно увеличивает эту долю овеществленного труда. Капиталист, расширяя производство, не только заменяет рабочего машинами и автоматами, но и добивается повышения интенсивности труда имеющихся рабочих, не предъявляя спроса на новые рабочие руки и не повышая заработную плату своим рабочим. Наконец, Кейнс проходит мимо характерных особенностей современного ему периода общего кризиса капитализма с его хронической недогрузкой производственных мощностей предприятий и громадными

³⁰ Особенно справедливо это для случая производства вооружений и другой непродвигательной продукции, ведь такая продукция не появляется ни на рынке средств производства, ни на рынке средств потребления, а независимо от всякого рыночного спроса скупается капиталистическим государством на средства госбюджета за счет налогоплательщиков.

³¹ Рассмотрение т. н. теории акселератора, — которая анализирует обратное влияние, оказываемое ростом потребления на производство средств производства, и ныне служит дополнением к теории мультипликатора Кейнса, — выходит за рамки данной работы, поскольку разработка и изложение принципа акселерации не связаны с именем Кейнса.

запасами нераспроданных товаров. Это означает, что спрос, создаваемый инвестицией в определенной отрасли, отнюдь не распространяется с такой железной последовательностью на остальные отрасли и, сам по себе, не может послужить толчком для общего подъема производства, занятости и уровня заработной платы.³²

Кейнс утверждал, что при данной «предельной склонности к потреблению» имеется постоянный мультипликатор, точно измеряющий отношение между инвестициями и доходом, между производством и потреблением. Ныне сами последователи Кейнса вынуждены признать на основе статистических исследований, что постоянной неизменной «предельной склонности к потреблению» не наблюдается в действительности, следовательно, в кейнсовскую теорию мультипликатора требуется внести существенные поправки с учетом целого ряда факторов, противодействующих явлению мультипликации. Таким образом, «если даже предположить, что мультипликатор зависит от склонности к потреблению, — пишет Э. Жамс, — он не может быть величиной более постоянной, чем эта склонность, а она сама лишена постоянного характера».³³ К аналогичным выводам пришел и Готфрид Хаберлер, утверждающий в своей книге следующее: «Предельная склонность индивида к потреблению, к которой относится основной психологический закон Кейнса, — это только один из многих причинных факторов, определяющих величину предельной склонности к потреблению общества в целом (мультипликатора). Поэтому не следует преувеличивать устойчивость мультипликатора, который нельзя трактовать как заданную величину, а следует включить в число переменных величин (*quaesita*) теоретической системы».³⁴

Теоретическая несостоятельность кейнсовской трактовки «вторичного эффекта» инвестиций, таким образом приводит к краху теории мультипликатора на практике. Нет и не может быть — именно в силу вышеизложенных причин — никакого постоянного мультипликатора, позволяющего заранее исчислить «вторичный эффект» инвестиций в объеме всего общества. Хотя отношение между приращением инвестиций и приращением дохода и занятости можно было бы с определенной степенью точности вычислить статистически за данный *прошедший* период, но это отношение складывается

³² Если Кейнс, кроме «склонности к сбережению», не видел особых противодействующих факторов явлению мультипликации, то современные кейнсианцы вынуждены признавать наличие целого ряда условий, которые приводят к приостановке роста занятости, вызываемого инвестициями. Например, Э. Хансен разделяет в своих комментариях к книге Кейнса мнение проф. Кана, который выделяет следующие противодействующие факторы: 1) частью приращения дохода обычно оплачиваются долги; 2) часть доходов сберегается в виде неиспользованных банковских депозитов; 3) часть вкладывается в ценные бумаги, купленные у тех, кто в свою очередь не истративает выручки; 4) часть расходуется на импорт, который не способствует росту занятости в стране; 5) часть покупок совершается за счет излишних запасов потребительских товаров, не требующих возобновления». (A. HANSEN, *A Guide to Keynes*, New York, McGraw-Hill, 1953, p. 89.)

³³ E. JAMES, *Op. cit.*, p. 490.

³⁴ G. HABERLER, *Prosperität und Depression*, s. 223.

по-иному в каждый новый период, когда инвестиции совершаются на новой, более производительной основе и при изменившихся общих условиях, обусловленных ходом экономического цикла воспроизводства.

Однако современная буржуазная экономия не отказывается от порочной теории мультипликатора, а пытается широко использовать ее в видоизмененной форме. Сущность поправки заключается в исключительно широкой трактовке принципа мультипликации, которая наряду со стимулирующим влиянием инвестиций рассматривает также действие других «переменных», влияющих на величину национального дохода. «Несмотря на то, что при мультипликаторе инвестиций мы имеем дело с умноженным воздействием прироста инвестиций на доход, — пишет Э. Хансен, — неправильно было бы сделать отсюда заключение, что мультипликатор может быть приведен в действие только путем увеличения инвестиций. Повысительное смещение функции потребления (то-есть всеобщее повышение склонности к потреблению) будет точно таким же образом повышать доход в умноженном размере, как это происходит в случае увеличения инвестиций»³⁵. По мнению современных буржуазных экономистов, «речь может идти о мультипликаторе всякий раз, когда возникает вопрос о выявлении результатов изменения одной переменной по отношению к другой, при условии, что между ними существует функциональная зависимость».³⁶

Теория мультипликатора необходима вульгарной апологетике для теоретического обоснования того, что любые непродуманные расходы, будь то расточительное потребление капиталистов или военные расходы государства, покрываемые из налогов или займов, играют «оздоровительную» роль в капиталистической экономике. Уже Кейнс утверждал, что любые общественные работы «даже сомнительной полезности»³⁷ могут иметь положительное значение. «Сооружение пирамид, землетрясения, даже войны могут послужить к увеличению богатства»,³⁸ писал Кейнс. Теория Кейнса весьма пригодна для убеждения народных масс в том, что колоссальные расходы современных империалистических государств, ложящиеся тяжелым бременем на плечи трудящихся, гонка вооружений и т. п. расходы служат их... благосостоянию!

Однако, спешит добавить Кейнс, такие инвестиции он считает лишь крайним средством в борьбе с безработицей и кризисами. Для «нормальной» капиталистической экономики в первую очередь необходимо государственное обеспечение «предельной эффективности капитала» как основного стимула инвестиций.

Остановимся подробнее на этом положении Кейнса.

³⁵ А. HANSEN, *Business Cycles and National Income*, p. 171.

³⁶ E. JAMES, *Op. cit.*, p. 493.

³⁷ J. M. KEYNES, *Op. cit.*, p. 127.

³⁸ *Ibidem*, p. 129.

в) «Предельная эффективность» капитала

Под «предельной эффективностью капитала» Кейнс понимает отношение между ожидаемой перспективной выгодой от приобретения капитального имущества и «ценой» его предложения. Следовательно, «предельная эффективность капитала» — это не норма прибыли на капитал, не категория реальной капиталистической действительности,³⁹ а чисто мыслительная категория, психологический фактор, как это усиленно подчеркивал и сам Кейнс.⁴⁰ Однако в конечном итоге эта мыслительная категория в извращенной форме отображает норму прибыли на капитал.

Причину слабости побуждения к инвестированию следует искать по Кейнсу в слабости «предельной эффективности капитала», которая зависит от 3-х факторов: 1) нормы процента; 2) состояния расчетов на будущее и 3) аккумуляции капиталов.

Кейнс считает, что низший предел эффективности капитала — это форма процента, ниже которой никакое функционирование капитала невозможно. Это положение Кейнса лишь отчасти соответствует капиталистической действительности. Конечно, каждый капиталист, вкладывая свой капитал в какое-либо предприятие, несомненно учитывает норму процента, рассчитывая получить не только процент на капитал, но и предпринимательскую прибыль. Однако не процент составляет низший предел прибыли, а издержки производства.

Как показали исследования, производившиеся Гарвардской школой работников экономической администрации и Оксфордской исследовательской группой в среде американских и английских бизнесменов, изменение ставки банковского процента не влияет существенным образом на побуждения к инвестированию. Элвин Хансен, подробно рассматривая эту проблему, в своей книге пишет, что весьма низкая норма процента (ниже 8%) не оказывает существенного влияния на изменение объема инвестиций. Инвестирование в машины и оборудование обычно слабо реагирует на изменения нормы процента. Инвестиции в жилые дома и промышленные содержания уже более подвержены влиянию колебаний ставки банковского процента. Все это объясняется особенностями оборота капитала, инвестированного в различных сферах экономики, особенностями его физического и морального износа. Основной вывод Хансена: «в промышленно развитых странах, пользующихся сравнительно низкой процентной ставкой, график спроса на инвестиции...

³⁹ «Предельная эффективность капитала не является *реальной* нормой прибыли на вложенные капиталы. Это *ожидаемая ex ante* норма прибыли». (Е. James, Op. cit., p. 325.)

⁴⁰ Читатель должен заметить, — писал Кейнс, — что предельная эффективность капитала определена здесь в зависимости от *ожидаемой* выгоды и *текущей* цены предложения капитального имущества. Она зависит от доходности, на которую можно рассчитывать, вкладывая деньги во *вновь* произведенное имущество, а не от фактических результатов, не от того, что инвестиция принесла в отношении к ее первоначальной стоимости по данным на конец срока службы». (J. M. Keynes, Op. cit., p. 136.)

имеет в целом тенденцию проявлять весьма незначительную эластичность в отношении нормы процента. Это обстоятельство имеет важное значение с точки зрения практической политики. Оно означает, что за исключением сферы строительства, нет возможности вызвать крупное инвестирование путем понижения нормы процента по сравнению с существующим уровнем. Нельзя поэтому рассматривать кредитно-денежную политику как главное средство увеличения общего объема инвестиций».⁴¹

Кейнс также предполагает, что капиталисты при своих инвестициях применяют исключительно ссудный капитал. Это предположение, однако, также не соответствует фактам развития современной капиталистической экономики. Кейнс (а также фактически и Хансен) не принимают во внимание то, что за последние десятилетия одним из главных источников инвестиционной деятельности стало так называемое самофинансирование капиталистических предприятий. Это означает, что крупные корпорации усиленно стремятся создавать внутренние резервные фонды, которые используются в периоды благоприятной конъюнктуры. Самофинансирование, естественно, никоим образом не связано с рыночными колебаниями нормы процента.⁴²

Таким образом, представляется ошибочным такое принципиальное положение Кейнса, как то, что нижшим пределом эффективности капитала является ставка банковского процента, и, следовательно, стремление Кейнса искать основной источник всех бед капитализма в высокой норме процента не имеет никакого основания.

Одним из основных факторов, определяющих «предельную эффективность капитала», у Кейнса является «психологическая оценка ожидаемой выгоды». Чем же объясняется, по мнению Кейнса, неблагоприятное состояние «расчетов на будущее»? Двумя причинами:

А) В прежние времена, когда предприятия принадлежали главным образом самим предпринимателям, т.е. во времена домонополистического капитализма с его свободной конкуренцией, «размеры инвестиций зависели от наличия достаточного числа лиц с сангвиническим темпераментом и творческими устремлениями, которые, рассматривая какое-нибудь дело как свое жизненное призвание, в действительности отнюдь не исходили из точного расчета перспективной прибыли. Дело носило отчасти характер лотереи, хотя конечный результат в очень большой степени зависел от того, оказыва-

⁴¹ А. HANSEN, *Business Cycles and National Income*, pp. 135—136.

⁴² Так, например, американский экономист Л. Клейн в своей книге, написанной в 1948 году, указывает на «новое явление самофинансирования» и его последствия: «деловые люди имеют, повидимому, психологическое предпочтение финансировать свои инвестиционные операции из запасных фондов (*surplus funds*), накопленных из нераспределенной прибыли, амортизации и др. источников. Теоретически разумному предпринимателю изменяется учитывать норму процента, когда он использует для инвестиций внутренние ресурсы, но на деле он не ведет себя таким образом. Использование внутренних фондов финансирования ведет к тому, что инвесторы игнорируют колебания рыночной нормы процента». (LAWRENCE KLEIN, *The Keynesian Revolution*, p. 65.)

лись ли личные способности и характер руководителей выше или ниже среднего уровня. Некоторые терпели неудачу, а другие преуспевали»⁴³. Что же изменилось по сравнению с этим положением? Оказывается, лишь то, что «организованные рынки инвестиций» — фондовые биржи (Кейнс рассматривает манипуляции на бирже с фиктивным капиталом как реальные инвестиции) сделали возможным привлечение массы случайных людей, неквалифицированных дельцов, неспособных правильно оценить обстановку, легко поддающихся панике.⁴⁴

Кейнс замалчивает факт господства монополий, которые держат в своих руках и фондовый рынок, создавая искусственный ажиотаж и целиком контролируя его. Неслучайно, что роль биржи поэтому падает при империализме, уступая место банковским корпорациям, которых отнюдь нельзя обвинить в незнании «обстоятельств, нынешних или ожидаемых». В одном месте книги Кейнс все же призывает, что монопольную прибыль нельзя отнести в разряд, зависящий от настроений на бирже, хотя он ограничивает монополии только предприятиями общественного пользования, где «значительная доля перспективной выгоды практически гарантируется монопольными привилегиями в соединении с правом устанавливать такие тарифы, которые обеспечили бы заранее договоренную норму прибыли».⁴⁵

Игнорируя господство монополий также и в сфере обращения, Кейнсу ничего другого не остается делать, как сетовать на то, что «квалифицированные инвесторы» занимаются не тем, чем им следовало бы, и порицать их за спекуляцию.⁴⁶

Б) Кроме спекуляции, отрицательным явлением, по мнению Кейнса, является неустойчивость человеческой природы, выражающаяся в том, что положительная деятельность предпринимателей зависит якобы в большой степени от их самопроизвольного оптимизма. «... частная инициатива, — пишет Кейнс, — будет достаточной только тогда, когда разумные расчеты дополняются и поддерживаются духом жизнерадостности...»⁴⁷ Таким образом, у Кейнса благосостояние общества зависит от психологического состояния предпринимателей — отношение явно абсурдное и противоречащее всякому

⁴³ J. M. KEYNES, Op. cit., p. 150.

⁴⁴ «В совокупных капитальных инвестициях общества, — пишет Кейнс, — постепенно растет доля акций, принадлежащих лицам, не принимающим участия в управлении и не имеющим никаких специальных знаний об обстоятельствах, нынешних или ожидаемых, связанных с данной отраслью. В результате элемент действительного знания в оценке инвестиций теми, кто владеет ими или собирается их купить, серьезно ослаблен». (Op. cit., p. 153.)

⁴⁵ J. M. KEYNES, Op. cit., p. 163.

⁴⁶ «Социальной целью квалифицированных инвестиций, — сетует Кейнс, — должно было бы быть нанесение удара темным силам времени и невежества, завлакивающим наше будущее. Действительная же приватная цель даже самых квалифицированных инвестиций в том, чтобы, как метко выражаются американцы, «опередить пулю», перехитрить толпу и сплавить поддельную или стертую монету соседу». (Op. cit., p. 155.)

⁴⁷ J. M. KEYNES, Op. cit., p. 162.

здравому смыслу, ведь и сам Кейнс в конечном счете признает, что настроение «самопроизвольного оптимизма» зависит от наличия «политической и социальной атмосферы, подходящей к духу среднего бизнесмена», к созданию какой-либо Кейнс и призывает. Это означает, что «среднему бизнесмену» необходимо обеспечить должный размер постоянных барышей и гарантировать его от революционных потрясений. «Если страх перед рабочим правительством или «новым курсом» подавляет предпринимательство, то это не обязательно нужно считать результатом рационального расчета или политического заговора. Это простое следствие нарушения деликатного равновесия самопроизвольного оптимизма».⁴⁸

Выход Кейнс видит в государственном вмешательстве. Капиталистическое государство ввиду очевидного банкротства системы частного предпринимательства должно взять в свои руки организацию инвестиций.⁴⁹ Государственное вмешательство, следовательно, должно возместить обществу ущерб, нанесенный ему потрясенной психикой инвесторов, снимая с последних риск и обеспечивая их прибылью.

Третий фактор, который, наряду с нормой процента и «психологическим состоянием расчетов на будущее», определяет «предельную эффективность» капитала, — это редкость капитала. Проблему источника прибыли Кейнс также переносит в сферу психологии, утверждая, что прибыль порождается таким весьма относительным и субъективным понятием, как редкость.⁵⁰ Чрезвычайно любопытна аргументация Кейнса: он, отождествляя вообще капитал со средствами производства и услугами (отнюдь не новый прием вульгарной политэкономии), приравнивает прибыль на капитал к заработной плате, получаемой рабочими за работу в опасных или вредных условиях, которые якобы редки, а потому и оплачиваются выше. Полемизируя с австрийской школой по вопросу об источнике прибыли, Кейнс вместо категории «ожидания» вводит не менее абсурдное понятие редкости. Редкость как чисто субъективное понятие ничего материального породить не может, Кейнс же такими приемами пытается скрыть капиталистическую эксплуатацию, свести прибыль к категории, порождаемой ...человеческим сознанием!⁵¹

⁴⁸ J. M. KEYNES, *Op. cit.*, p. 162.

⁴⁹ «Я рассчитываю теперь на то, — пишет Кейнс, — что государство, которое в состоянии взвесить предельную эффективность капитальных благ с точки зрения длительных перспектив и на основе общих социальных выгод (?), будет брать на себя все большую ответственность за прямую организацию инвестиций». (*Op. cit.*, p. 164).

⁵⁰ «Единственное основание, по которому имущество дает возможность получить в течение всего срока его службы выгоду, превышающую по своей общей величине первоначальную его цену предложения, состоит в том, что оно является редким. Редким же оно остается ввиду конкуренции со стороны процента на деньги. Если капитал станет менее редким, то избыточная выгода уменьшается, хотя капитал не станет менее производительным, по крайней мере в физическом смысле». (J. M. KEYNES, *Op. cit.*, p. 213).

⁵¹ Следует отметить, что современные кейнсианцы отказываются от такого абсурдного утверждения Кейнса. Так, Э. Хансен пишет: «Редкость» не имеет экономического смысла, за исключением того, что она определяет, какая точка графика предельной производительности станет «наблюдаемой» (*observable*). (A. HANSEN, *A Guide to Keynes*, p. 155.)

Корень всех бед капитализма Кейнс видит в том, что, вследствие растущего накопления капитала, прибыль будто бы падает быстрее, чем норма процента, а поэтому падает «предельная эффективность капитала» и, следовательно, слабеет «побуждение к инвестициям». ⁵² Отсюда Кейнс делает чисто демагогические выводы о том, что раз уровень жизни народных масс далеко не достигает уровня развития производительных сил, то в этом виновата не капиталистическая система, а высокая ставка процента и слишком низкие прибыли капиталистов. Это тем более не соответствует реальным фактам, что после I-ой мировой войны, наряду с громадным ростом прибылей монополий, учетная ставка Английского банка и Нью-Йоркского федерального резервного банка обнаруживала чрезвычайно сильную тенденцию к понижению. ⁵³

Итак, Кейнс повторяет свое старое утверждение, что для ликвидации безработицы необходимо, в первую очередь, бороться за снижение нормы процента. Кейнс рисует даже фантастическую картину того, как разумными государственными мероприятиями можно добиться такого роста инвестиций при соответствующем снижении нормы процента, что это повлечет к ликвидации капиталистической прибыли вообще: «Если я прав, — пишет Кейнс, — полагая, что сравнительно легко создать капитальные блага в таком изобилии, чтобы предельная эффективность капитала была равна нулю, это могло бы стать наиболее благоразумным методом постепенного избавления от отталкивающих черт капитализма». ⁵⁴

Следовательно, отмеченные три фактора, определяющие у Кейнса «предельную эффективность капитала», необходимы ему для теоретического обоснования того, что государственное «регулирование» экономики путем форсирования инвестиций и снижения нормы процента может привести не только к уничтожению безработицы в рамках капитализма, но и к фантастической автоматической самоликвидации капиталистической прибыли, т.е. самого капитализма! Это абсурдное теоретизирование Кейнса на деле служит лишь затушевыванию эксплуататорской сущности государственно-монополистического капитализма.

г) Теория процента

Процент, который, как мы видим, занимает далеко не последнее место в системе кейнсовских факторов, влияющих на «побуждение инвестировать», — Кейнс также сводит целиком к сфере психологии капиталистов.

⁵² «Послевоенный опыт Великобритании и Соединенных Штатов, — утверждает Кейнс, — показывает действительные примеры того, как аккумуляция богатства, — настолько значительная, что предельная эффективность этого богатства падает быстрее, чем может снижаться в существующей социальной и психологической обстановке норма процента, — мешает в условиях сохранения в основном режима *laissez faire* установлению разумного уровня занятости и такого уровня жизни, который может быть обеспечен техническими условиями производства». (Op. cit., p. 219.)

⁵³ См. сборник «Мировые экономические кризисы», т. 1, М. 1937, стр. 683 и 726.

⁵⁴ J. M. Keynes, Op. cit., p. 221.

Творческая причина процента — это, по мнению Кейнса, свойственное индивидам «предпочтение ликвидности», которое выступает как «выраженные в деньгах или в единицах заработной платы величины тех ресурсов, которые он (индивид) желает удерживать в форме денег при различных обстоятельствах». ⁵⁵ Кейнс отвергает старые вульгарные теории о том, что процент есть вознаграждение за «сбережение» или «ожидание» капиталиста; вместо этого Кейнс пытается обосновать не менее вульгарную теорию, провозглашающую, что «норма процента есть феномен в высшей степени психологический», ⁵⁶ есть вознаграждение за преодоление индивидом якобы свойственного ему «предпочтения ликвидности», т. е. нежелания расстаться с наличными деньгами.

Наряду с интенсивностью «предпочтения ликвидности» норму процента, по мнению Кейнса, определяет еще один фактор: количество денег в обращении. Кейнс аргументирует это следующим образом: норма процента есть «цена», — пишет Кейнс, — которая уравнивает желание держать богатство в форме наличных денег с имеющимся количеством наличных денег. Это означает, что если бы норма процента была ниже, т. е. вознаграждение за расставание с наличными деньгами уменьшилось бы, общая сумма денег, которую публика хотела бы иметь на руках, превысила бы имеющуюся наличность, а если бы норма процента повысилась, то образовался бы излишек наличных денег, которые никто не хочет держать. Отсюда следует, что количество денег — это еще один фактор, который в соединении с предпочтением ликвидности определяет действительную норму процента при данных обстоятельствах». ⁵⁷ Таким образом, Кейнс выводит некую зависимость: процент изменяется в прямом отношении к степени «предпочтения ликвидности» и в обратном к количеству денег.

Кейнс полностью отрывает процент от его источника — прибыли капиталиста, стремясь доказать, что движение процента независимо от движения производительного капитала, так как норма процента обуславливается факторами субъективного порядка. Такой отрыв процента от его источника необходим Кейнсу для доказательства того, что процент якобы противостоит капиталистической прибыли и тем самым препятствует новым инвестициям и установлению «полной занятости».

В действительности же норма процента зависит от предложения ссуд и спроса на них, но это определяется не мнимым «предпочтением ликвидности» а закономерностями цикла воспроизводства общественного капитала. Верный своей субъективной методологии, Кейнс целиком и полностью абстрагируется от условий производства и воспроизводства и погружается в сферу переживаний индивидов, связанных в основном с биржевой спекуляцией.

⁵⁵ J. M. KEYNES, Op. cit., p. 166.

⁵⁶ Ibidem, p. 202.

⁵⁷ J. M. KEYNES, Op. cit., pp. 167—168.

Однако те закономерности, определяющие норму процента, которые Кейнс — усиленно подчеркивая психологическую природу процента — изгоняет в дверь, вводятся им контрабандой обратно через окно с тем, чтобы приспособить их к его теоретической системе. Этой цели служит второй фактор, определяющий норму процента, — количество денег в обращении. Кейнс, как мы видели выше, отождествляет движение кредита с обращением денег, а предложение денежных ссуд — с количеством денег в обращении. Но что подразумевает Кейнс под деньгами? На этот вопрос можно найти у Кейнса следующий ответ, запрятаный в одну из сносок: «Мы можем считать *деньгами*, например, распоряжение такой общепризнанной покупательной силой, с которой владелец ее не расстанется более чем на три месяца;... или «три месяца» мы можем заменить одним месяцем или тремя днями или тремя часами или любым другим отрезком времени; или мы можем исключить из *денег* все что не является в данный момент законным платежным средством. В практике часто удобно относить к *деньгам* срочные вклады в банках и иногда даже такие средства, как, напр., казначейские векселя. Как правило, я, как и в моей работе *Treatise on Money*, предполагаю, что деньги совпадают по сумме (*is co-extensive*) с банковскими депозитами».⁵⁸

Кейнсовская трактовка денег, практически включающая в понятие денег все банковские депозиты, по сути дела под количеством денег в обращении подразумевает весь объем предложения ссудного капитала, который таким образом несомненно влияет на норму процента. Предложение же ссудного капитала обществом определяется ходом капиталистического воспроизводства.

Кейнсианская склонность к ликвидности, которая, по Кейнсу, определяет общественный спрос на деньги (вернее, на ссудный капитал), в конечном итоге также скрывает закономерности капиталистического цикла воспроизводства. «Предпочтение ликвидности» сводится Кейнсом к трем исходным мотивам: а) соображениям обращения (*transaction-motive*), б) соображениям предосторожности (*precautionary-motive*) и в) спекулятивным соображениям. Все эти соображения побуждают деловых людей держать определенную часть своих капиталов непременно в ликвидной форме. Если по отдельности проанализировать данные мотивы, то выяснилось бы, что такие соображения капиталистов порождены отнюдь не какими-то прирожденными душевными склонностями, а в каждом отдельном случае эти соображения обусловлены определенной конъюнктурной обстановкой, масштабами оборота и размерами прибыли, т. е. условиями данной фазы цикла воспроизводства.

Кейнс своей теорией процента стремится теоретически обосновать определяющую роль нормы процента в установлении «эффективного спроса». Поэтому Кейнсу нужно было найти такое объяснение природе ссудного

⁵⁸ J. M. KEYNES. Op. cit., p. 167.

процента, которое творческую причину процента видит в факторе, независимом от составных элементов «эффективного спроса»: потребления, инвестиций и сбережений. Таким первичным независимым фактором Кейнс считает психику капиталистов («предпочтение ликвидности») и сознательную деятельность финансовых институтов («количество денег в обращении»), которые определяют ставку процента. Однако психологическая трактовка процента терпит крах, как только она подвергается детальному анализу. Как мы уже видели выше при рассмотрении двух кейнсовских факторов, определяющих норму процента, вместо первичного и определяющего характера этих факторов анализ вскрывает дальнейшую цепь причинных факторов, которые — как, напр., величина банковских депозитов, объем коммерческого оборота, ожидаемые размеры прибылей и т.д. — все зависят от объема сбережений и инвестиций, т.е. от хода капиталистического цикла воспроизводства. Психологическая трактовка таким образом неизбежно приводит теорию процента Кейнса к порочному кругу.

Вместе с тем, кейнсовская психологическая трактовка процента имеет еще одну характерную особенность: Усиленное подчеркивание Кейнсом того, что в основе «предпочтения ликвидности» лежит неуверенность капиталистов в будущем, которая заставляет их держать наготове свою наличность, — является признанием того, что основы капиталистической системы потрясены, что у капиталистов уже нет уверенности в будущем, поэтому Кейнс апеллирует к такому «экономическому» фактору, как укрепление государственной власти буржуазии, политика которой «может оказаться весьма успешной, если она расценивается общественным мнением как обоснованная, практически целесообразная и соответствующая общественным интересам, если она основывается на устойчивых убеждениях и проводится властью, смены которой нет основания ожидать.»⁵⁹

Теория «эффективного спроса» Кейнса, таким образом, строится на трех психологических факторах: склонности к потреблению, предельной эффективности капитала, предпочтении ликвидности. Кейнсианский анализ закономерностей капиталистического воспроизводства, который абстрагируется от производственных отношений капиталистического строя, подменяя их мифическими совокупными психологическими категориями, естественно, не может дать положительного научного результата. Кейнсианская теория, рассматривающая инвестиции как перводвигатель экономической системы, не может дать вразумительного ответа, например на такой центральный вопрос: чем определяется уровень инвестиций. В этом отношении об очень многом говорит признание известной английской экономистки Джоан Робинсон, которая в специальной работе, посвященной проблеме накопления (*The Accumulation of Capital*, Macmillan, London, 1956), писала следующее:

⁵⁹ J. M. KEYNES, *Op. cit.*, p. 203.

«...относительно того, что регулирует уровень на котором они (инвестиции) устанавливаются, мы знаем весьма мало. Мы знаем, что этот уровень сильно изменяется от периода к периоду и от страны к стране, но любая попытка отождествить причины изменений с влиянием таких факторов, как традиции энергичной конкуренции между предпринимателями..., быстрый технический прогресс, или высокая склонность к удержанию (*to retain*) прибылей (накопление резервов для финансирования инвестиций, не прибегая к ссудам), грозит тем, что она смешивает симптомы с причинами. С другой стороны, не совсем удовлетворяет такое объяснение, когда ссылаются на «капиталистический дух», свойственный протестантизму или бог знает чему. Экономический анализ необходимо дополнить определенным видом сравнительной антропологии, которая все еще пребывает в младенческом состоянии как отрасль науки».⁶⁰ Робинсон пришла к выводу, что перводвигатель капиталистической экономики — решение инвестировать, — определяется причинами, лежащими за пределами экономического анализа.

Запутавшись в своих сложных построениях психологических факторов и производных от них, кейнсианцы вынуждены признать, что теория Кейнса не может отличить симптомов от причин, возводя последние в нечто иррациональное. Таков логический итог, к которому пришла кейнсианская теория.

Л. Самуэли, Будапешт, XI. Штоцек утца 2—4, Венгрия.

⁶⁰ Цит. по книге J. Страснеу, *Contemporary Capitalism*, p. 202.